

Рассказ «Родилась и живу» из новой книги «Зелёный виноград» Екатерины Дубро. Все житейские рассказы и рассказочки, стихотворения Катя посвящает своим родителям — Веронике Евсеевне и Владимиру Петровичу, безвременно ушедшим в мир иной.

По болезни. Оба — коренные кузбассовцы, родившиеся и выросшие на земле Кузнецкой, а с 1951 года — юргинцы: бывшие

работники цеха №31 машзавода, ударники коммунистического труда, звания которого они были удостоены в 1967 году. Маме в 2013 году исполнилось бы 90 лет, а папе — 92. Вероника Евсеевна — ветеран трудового фронта, награждённая в 1946 году медалью СССР «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также юбилейными медалями СССР.

Житейские рассказы и рассказочки

26 ноября — дата рождения нашей семьи. Год её рождения — 1946-й.

А годом спустя, в октябре — 19-го, родилась я. Сегодня семье 45 лет.

Ещё три года назад была озарена новыми сюжетами о жизни нашей семьи. Однако наши желания не всегда совпадают с нашими реальными возможностями. То же и со мной. Так что заново пришлось в ней определяться, с собой нынешней знакомиться — испытывая новые муки, раскаянно и покаянно.

Рано утром, «восстав из сна» (утренняя молитва) и воздав благодарение Богу за это, за обычное его «терпение и человеколюбие», попросив просветить ум мой, разговорить мой язык, чтобы учиться Законам Его, понимать Его повеления, исполнять Его Волю.

Включила светильник:
— Да будет Свет, да сгинет тьма.

Доброе утро!
Вскипятила в кружке воду, растворила кофе: подзарядила свою физику.

С вечера предполагала непременно попечатать «Дерево придорожное» и написать одну главу. Бодрая и настроенная на жизнь.

И вдруг поняла, что возвращаюсь в те трёхлетние замислы: вижу и знаю больше, чем до. Знаю главное.

По-прежнему сомневаюсь в своих словесных возможностях, а вижу пока те же, что и тремя годами раньше, умыльные, медленные сани и измученную лошадь на лесной дороге. Но тогда сама была там, на дороге, внизу, а сейчас вижу это сверху.

И какой же долгий путь у тех саней в октябре 1947 года, если даже я по этим строкам, в сугробе бумажным продвигаюсь весь день. Было торжественно и светло за окном от падающего снега, а вот уже свечерело.

Вспомнилось: а ведь однажды, в годовщину папиной смерти, из такого сугроба выбарахталась я тоже на санях! Других, конечно. А может быть, и не других. Этому состоянию я посвятила стихотворение «ГОРЕ».

Невыносимей, невозможней

Ничто не кажется уже.
Но чувств

центральная таможня
Вдруг отпуск даст

твоей душе.
И вот — возможно, выносимо.
Не веря собственным глазам:
Лошадка та же, те же сани.
Одно лишь новое — ты сам.

В тех самых санях, которые вижу сейчас сверху, далеко вверху на лесной дороге моя мама, мой папа, моя бабушка и сама я двух дней от роду. Мы все изнемогали там, но измученная лошадь чувствует своих скорбных седоков, угнетена этим да тяжёлой дорогой. Из последних сил стремится ускорить их приближение к районной больнице. Спасибо!

Когда я родилась, родители жили в Тяжине. Через некоторое время вся наша семья вернулась в Бороковку. Жили совместно с родителями мамы.

Мама сдала экстерном экзамены в Мариинском педучилище, в котором обучалась заочно, и возвратилась на работу в Бороковскую школу учительницей начальных классов. Здесь она окончила среднюю школу и начала трудовую деятельность в 1943 году учителем начальных классов и, по совместительству, старшей пионервожатой.

В селе она возглавляла первичную комсомольскую организацию.

Папа в годы войны был мобилизован в стройбат г. Кемерово на строительство завода. Там получил трудовое увечье и был комиссован по второй группе инвалидности. В Тяжине он возвратился к своей профессии мастера-сапожника, работая в детском доме для эвакуированных из Ленинграда детей. Преподдавал труд и сапожное дело.

Папу угнетало проживание в семье тещи. Прожив вместе немногим более 3-х лет, выехал в город Юргу. Устроился работать на машзавод, бурно развивающийся, купил избушку-засыпушку и летом 1951 года забрал нас. Мама была принята учительницей начальных классов в школу №6, но проработала там недолго: уже к зиме тяжело разболелась — туберкулёз, открытая форма.

Собственно, с этой болезнью

и началась у меня недетская жизнь: тоска бесконечных ожиданий мамы из больницы, страх не дожидаться её. Этот страх всю жизнь во мне. Даже когда мама долго задерживалась в магазине. Не говоря уже о том, когда уезжала.

Мамин отец горестно предрекал мне, своей внучке, несчастную судьбу, сиротство — по особенной тяге моей, привязанности к маме; «гоняется», — так это называется. Очень жалел поэтому, любил особенно. Даже мне запомнилось это — чувством. Он думал, что рано умрёт мама, вторыми родами, например. А Петрик — мой братик — умер десяти месяцев от роду. Вовремя, потому что слишком велика вероятность такого же, что у меня заболелания. Тоже тихий был, покорный, улыбчиво-ясный ребёнок.

И жили мы в Юрге в суровых условиях — на окраинной улице, Береговой, №164, в засыльном домишке (одна стена общая с другой семьёй). Каждый год ремонт крыши, строительство каких-то надстроек, пересыпки.

Детсад не посещала по причине отсутствия свободных мест в них.

Росла и воспитывалась в домашней обстановке.

В школу пошла в 1954 году. Путь до ближайшей школы №2 был не близок, через поле. Зимой по большим снегам да сугробам, осенью и весной нередко по непролазной грязи. Будучи со слабыми ножками, часто падала да поднималась. Редко, в совсем уж ураганную непримлядь, мама провозила меня до шоссе, «до города».

Не все пословицы для всех верны. Например, на эту — «Жизнь прожить — не поле перейти» — у меня есть своё: иное поле перейти — что жизнь прожить. В 12-13 лет, бывало, уже до десяти раз упаду за дорогу до школы. Едва поднимусь — тут же свалит сильный ветер на открытой местности, и ещё, и ещё раз.

В школу приду измученная, наступанная. Из школы иду ещё дальше.

Одеться в подвале и выйти вовремя не успею — значит, жду, пока не вступят вторую

смену, чтобы не затолкали, не уронили.

Дальше — ещё сложнее. Не помогала и тросточка, которую изготовил папа. Самостоятельно, без помощи родителей уже не могла посещать школу. Восьмой класс начала в школе, а продолжила и завершила его учёбой на дому.

С 14 лет постель стала для меня основным местопребыванием.

Через год папа получил от машзавода (мама тоже тогда работала на заводе вместе с ним) благоустроенную 2-х комнатную квартиру на одной из центральных улиц города, в которой и сейчас живу; мой домашнее бытование облегчалось.

К 16 годам получила кресло-коляску, а с нею возможность изредка бывать на улице. Но дома ещё года два ходила с тросточкой. К 25-летию уже была не выездной, передвигалась в коляске лишь по квартире. В канун 37 дня рождения утратила и эту возможность: совсем засела в кровати.

С отрочества читаю лёжа. И пишу давно лёжа, лишь набело переписываю сидя.

Всей жизни своей не скажешь и вряд ли кому и интереснее, но любая жизнь, как вообще всё в ней, показательно своими результатами. А каковы они — судить не мне, судить другим.

Я родилась и живу так, как изначально выстроили мою жизнь родители, с рождения и до зрелой юности, а затем — так, как мне виделось, как сама выстроила механизм выживания в непростых житейских буднях и постигала пути его применения во имя жизни, во имя реализации своих помыслов и мечт на ниве литературного сочинительства.

Тем и продляюсь в жизни. Спасибо!

Смысл один
Любим земным наукам.
Все вопросы —
За одним ответом:
Наша жизнь —
Хождение по мукам,
Но за радостью хождение:
За Светом.
1988-1992 гг.